святитель Николай Сербский

Богородица на смертном одре

Прочитана последняя страница святой книги, содержание которой от корки до корки источает из себя святую невинность и благочестие. Это та книга, при виде которой даже самые жестокие критики, несущие в себе бремя предубеждений и предрассудков, молча останавливались и, прочитав ее с начала до конца, уходили со смягченным сердцем и омоложенным духом. Закрыта та книга, первые слова которой – «В еврейском городке Назарете жили бездетные благочестивый старец Иоаким и его жена Анна...».

Как светлы первые страницы этой истории – точно озарены тем вечерним, мягким и тихим румянцем заката, провожающего солнце, чтобы после ночи воссияло оно светом с востока. Кого не обрадует счастье этих пожилых людей, посетившее их лишь при прощании с миром, чтобы добавить каплю меда в их отравленную скорбью жизнь!

Непередаваемым райским весельем были наполнены старческие души Иоакима и Анны при виде своей маленькой дочери, в сопровождении подруг входящей в Божий храм и встречающей там скромный, но торжественный прием. Радость этих старых благочестивых душ была тем чище и совершеннее, что родители не могли даже подозревать [о том], что это – первое и последнее радостное событие для их выплаканного плода. Юная Мария рано осталась сиротой, без отца и матери. Бог пощадил Иоакима и Анну за их благочестие, чтобы не дожили они и не увидели ту непрерывную вереницу бед и страданий, через которые подобало пройти их чаду ради стяжания награды – правда, великой и для других недосягаемой, а именно, что их дочь наречется Матерью Сына Божия.

Иоаким и Анна преставились, утешаясь тем, что свое чадо оставили под кровом храма, под Божией защитой. Кто бы мог тогда проречь столь неспокойную жизнь этой Отроковице, Которая всю Свою юность провела в церкви – в мире, посте и молитве? И тем не менее бури житейского моря беспощадно терзали эту сироту, увлекали ее в неведомые земли, стремительно повергали из воодушевления в страх и наоборот. Для нежной девической души довольно было и одного потрясения от внезапного ангельского благовестия о великой Божией милости, определившей этой Деве родить Спасителя мира.

Но для Марии были уготованы и гораздо более тяжкие испытания, способные сломить сильнейших духом и подавить величайшее мужество. После Своей первой материнской улыбки Своему Божественному Чаду, возвеселившей Ее душу, [утомленную] тревогой и трудным переходом в ночной тьме и под дождем, Она должна была немедленно бежать без оглядки [из Палестины в Египет], чтобы спасти это Свое дорогое и высочайшее Чадо. Именно так, ведь царь Ирод боялся Ее Младенца, лежащего на соломе, и людская зависть лишала Сына Божия всякого покоя даже в пещере, в этом скромном пристанище.

Объятая страхом и трепетом, Она бежала по палестинским равнинам, прижимая к груди Свое Дитя, без устали спешила день и ночь по лесам и пустыням, не ведая ни дорог, ни троп, только чтобы спасти Его от меча

царских палачей. Впрочем, не дрогнула Она и не ослабела духом в пути, не изнемогла от тревог и усталости, ободряя Себя мыслью о том, что Господь Бог – великий Царь над всеми богами и что в Его руке и горные вершины, и долы земные (ср. Пс.**49**:1, **45**:3–4), ибо еще с ранней юности вложила в Свою душу поучение премудрого Проповедника: «Помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!»» (Еккл.**12**:1).

Претерпевала Она все это с верой в Бога, никогда даже не подозревая, что имя Божией Матери принесет Ей больше горечи, чем радости. Да и могла ли Она иначе мыслить после столь великолепных предвестий Архангела Гавриила? Да и могло ли вообще прийти кому-то в голову, что люди так враждебно встретят Небесного Посланника и своего Спасителя?

Ведь даже тогда, когда слава Ее Сына начала проноситься по всему миру, из Ее материнской души не уходили тяжелые предчувствия и заботы. Она постоянно сопровождала Иисуса, следуя за Ним издали, в массе любопытствующего народа, с опаской на него взирала и впитывала Его слова, но не решалась подойти к Нему поближе, боясь Ему докучать. Знала Она о Его безграничной любви ко всем людям, слышала Его слова: «Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лк.**8**:21).

Он перестал принадлежать только ей, сделавшись живым Источником для всего мира, так что всякий желающий приходил из Него напиться. Но опять-таки никому Он не был так любезен, как сердцу Матери. В той необозримой массе людей, следовавшей за Иисусом по пятам по всей Палестине и восторженно Его приветствовавшей, одни сияющие очи всегда смотрели на Него пристально, одни уста непрестанно повторяли Его святые слова и тихо возносили о Нем молитвы. То была Его Мать.

Иисус же уверенно шествовал вперед, не оглядываясь на глухую ярость грешников, воздымающуюся на Него. Ничто Его не смущало и не пугало. Он всегда был одинаково величественным и решительным – как на Елеонской горе, при входе в Иерусалим и в другие торжественные минуты, так и на последней вечери при прощании с учениками перед шествием на Голгофу. И лишь одно внимательное ухо слышало скрежет зубов на Иисуса и одна душа провидела намерения безбожников, которые «уловят на душу праведничу и кровь неповинную осудят» (Пс.**93**:21), и каждый день Ее сердце наполнялось страхом от того, что услышала Она и прочувствовала. Это была Его Мать.

Хотелось Ей хоть ночью побыть с Иисусом наедине и рассказать Ему обо всем, что донеслось до Ее ушей, что говорили о Нем люди и что они Ему готовят, – все это порывалась Она Ему поведать, дабы был Он еще более внимательным и осторожным, хотя и знала, что Ему все известно гораздо лучше. Но и по ночам не имел Он отдохновения, наставляя Своих учеников и готовя их к дальнейшим подвигам. А Она горела желанием хотя бы в часы ночного покоя вдали от мирской суеты перемолвиться с Ним словом, прижав к Себе Его уставшую голову. Однако этому Ее желанию не суждено было сбыться, так что и ночи проводила Она без Своего Сына, слезными очами взирая на звездное небо и обращая к нему утешительные слова царя Давида: «По множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою» (Пс.**93**:19).

Но все эти душевные переживания, все заботы и скорби, вся злоба и ненависть людей, которую Марии пришлось претерпеть за Сына Своего, – все это было ничто по сравнению с тем страшным ударом, который готовился как против Иисуса, так и против Ее души. [Ведь] собственными глазами видела Она Своего Сына связанным, оплеванным и окровавленным под терновым венцом и слышала те адские крики: «Распни Его! Распни!» Следовала Она за ним и до Голгофы, видела, как изнемогает Он и падает под крестом, наклонялась к земле и собирала в пыли капли Его крови. Донеслись до Ее слуха и звуки гвоздей, забиваемых в Его руки, некогда Ее обнимавшие, видела Она Его на кресте, нагого и изуродованного, претерпевающего ужасные мучения, обливающегося потом и расстающегося с последними силами.

О, если бы могла Она хоть припасть к Его кровоточащим ногам, обнять их и облобызать! Но и это было невозможно для бедной Матери. О матери, сетующие о своих больных сыновьях, вспомните Марию, страдавшую под крестом, на котором в [жутких] мучениях терзался Ее Сын! Вспомните и укрепите свои сердца тем, чем и Она Себя ободряла: надеждой на Божию милость!

Христос испускал дух. Но в величайших муках, перед тем как предать дух Своему Отцу, Он о ком-то вспомнил и посмотрел вниз на землю. Отыскав глазами Свою Мать, Он увидел Ее сокрушенной и изнемогшей. Ясно осознавая еще одну Свою обязанность по отношению к Ней, Он, взглянув на Своего самого любимого ученика, Иоанна, сказал Своей Матери: «Жено! се, сын Твой» (Ин.**19**:26).

Христовы ученики разошлись по всему миру учить и спасать человеческий род. Оставили они родные дома и семьи и все свои силы посвятили проповеди учения Спасителя. Не были они уже такими боязливыми, как в ту ночь, когда был схвачен Иисус, но стали бесстрашными и могучими исполинами, пренебрегавшими всякой опасностью.

Пока были они в Палестине, с ними общалась и святая Мария, помогая им в утверждении заповедей Спасителя, поощряя их на всякое благо и ободряя. Но когда ученики удалились из Палестины в края далекие, чужие и неведомые, Она осталась в доме Иоанна.

Не тратила Она времени попусту, но каждую минуту употребляла на пользу рода человеческого, того самого рода людского, который распял Ее невинного Сына! Свои труды и попечения посвящала Она больницам и темницам, утешала, учила и наставляла всякого, кому требовалась поддержка или совет. Жила строго по заповедям Своего Сына и потому могла утолять людские печали и была источником целительной прохлады, почерпая из которого всякий чувствовал свежесть и облегчение и укреплялся небесной любовью. Добрые дела, которым Она Себя вверила, наполняли Ее душу великим блаженством и утешением, что и было воздаянием на все Ее прежде перенесенные беды и горести. [Ведь] лишь после того, как Ее Сын воскрес, у Нее открылись глаза на происходящее и появилась надежда.

Но вот пришло время и Марии смежить очи и предать Свой дух Богу. Происходило это в мире и тишине. Ее смерть не вызвала никакой суматохи и беспокойства. Палестина, бывшая свидетельницей столь удивительных и бурных событий и вся взбудораженная от внезапности и неожиданности

происшедшего, утихомирилась и безмятежно проводила повседневную жизнь, лишь изредка взирая на свое покрытое славой и мраком лицо в зеркале недавнего прошлого. Мир спешит по своим будним, привычным делам.

Богородица почивает на одре. А мир и не чувствует никакой перемены, не ощущает того, что из его среды ушла самая богоугодная Жена. Мир всегда один и тот же: пустой молвой и мелочными заботами о телесных нуждах он похищает святость у самых торжественных моментов в истории человечества. Когда величайшие борцы за его счастье умирали в муках, он спокойно, с несмолкаемым гомоном от множества голосов торопился за хлебом. Вот и теперь, когда великая Благодетельница человеков лежит на смертном одре, уличный шум и многоголосье не смолкают ни на минуту.

Но когда понесут Ее на место упокоения, когда Апостолы запоют погребальные песнопения, в душе мира сего воскреснут яркие воспоминания о Великом Учителе любви и о Его кроткой и величественной Матери. И найдутся, обязательно найдутся те, кто присоединится к Апостолам и теплой слезой оросит могилу примерной Назаретянки, а свою жизнь и дела управит по Евангелию Ее Сына. Вдруг, во мгновение ока, мир забудет о своих заботах и восстановит в памяти всю жизнь сей Жены, имевшей сильную веру, – и сам убедится в том, что имя Господне – крепкая башня: «убегает в нее праведник – и безопасен» (Притч.**18**:11).

В доме апостола Иоанна царит тишина и покой. Ничто не нарушает этой благоговейной атмосферы. Небольшая скромная комната освещена двумя рядами светильников, стоящих вокруг смертного одра. Можно бы было подумать, что в комнате никого нет, хотя на самом деле в ней в эту минуту собрано почти все Христово воинство. Здесь Его Апостолы, только-только примчавшиеся со всех концов света, чтобы проводить Мать Учителя в ее вечную обитель.

Со склоненными головами стоят они вокруг одра Богородицы. А Она покоится. На Ее лице сияет отпечаток благости и какого-то таинственного счастья, свидетельствующего об отсутствии всякой скорби, а также последнее «Прощайте!», полное милосердия и снисхождения к сему миру, оказавшему так мало сочувствия, гостеприимства и любви и Ей, и Ее Сыну.